

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

Учредитель и
издатель:
**Казахстанская
криминологическая
ассоциация**

Председатель
редакционного
совета –
И. Рогов

Заместитель
председателя
редакционного
совета –
Г. Мауленов

Редакционный совет:
**К. Бегалиев
С. Бычкова
К. Сулейменов
Е. Каиржанов
К. Мами
Б. Мухамеджанов
М. Нарикбаев
Ю. Хитрин
Р. Тусупбеков**

Редактор –
Н. Турецкий

Ответственный
секретарь –
А. Молдабаева

Республика Казахстан,
480012, г. Алматы,
ул. Наурызбай батыра, 87
телефон: (3272) 621-126
факс: (3272) 639-861
e-mail: kazcrim@netmail.kz
multisoft@multisoft.kz

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (3) 2002

Содержание

I. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

БЕГАЛИЕВ К. А. Меры борьбы с безнадзорностью и преступностью среди несовершеннолетних.....	2
ТОКСАНБАЕВ А.Б. Особенности правового статуса Интерпола, как межправительственной организации.....	6
КАРБУЗОВ К.Ж. Практика расследования заведомо ложных сообщений об актах терроризма	10
ЕЩАНОВ А. Ш. О некоторых аспектах деятельности органов внутренних дел Республики Казахстан по профилактике групповой преступности несовершеннолетних.....	12
ОСПАНОВ С. Д. Концептуальная детерминированность реализации принципа процессуальной экономии в уголовном производстве.....	16
КАИРЖАНОВ Е. И. Преступность – явление социальное.....	19
УДАРЦЕВ С. Ф. Письма С.Я. Булатова М.Н.Гернету (1947-1948гг.).....	24
УТИБАЕВ Г. К. О некоторых вопросах защиты прав участников уголовного процесса.....	32
ПОВРЕЗНЮК Г. И. Методологические основы криминалистического установления личности.....	35
МОЗГОВЫХ Г.А. Причины и условия, способствующие совершению преступлений, в структуре их криминалистической характеристики.....	42
II. «МОЛОДОЙ УЧЕНЫЙ»	
БЕГАЛИЕВ Е. Н. Разграничение фальшивомонетничества и мошенничества.....	45
МЕКТЕБАЕВА С. К. Проблемы предупреждения нарушения международного гуманитарного права: законодательство.....	47
ДЖЕКСЕНЕВА Л. Н. Особенности уголовного законодательства США о рецидиве преступлений.....	51
САБЫРБАЕВА Г. Б. Вопросы вовлечения несовершеннолетнего в преступную деятельность.....	54
III. ИССЛЕДОВАНИЕ УЧЕНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	
ШТАДЛЕР Г. В. Разработка концепции и методика проведения совместной операции правоохранительных органов по пресечению незаконного оборота оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ (Форпост-Арсенал) в эксклавному и приграничных регионах.....	57
ДИКАЕВ С. У. Рецензия на учебник Шестакова Д.А.....	61
Аннотация	64

ПИСЬМА С. Я. БУЛАТОВА М. Н. ГЕРНЕТУ (1947-1948 гг.)

УДАРЦЕВ С. Ф.

**д.ю.н., профессор, проректор по учебной работе
Академии юриспруденции – Высшей школы права
«Әділет»**

Наш курс поступил учиться на юридический факультет КазГУ (тогда им. С. М. Кирова) в 1968 году, когда профессора С. Я. Булатова уже не было. Но память о нем была жива на факультете, где он проработал много лет. В студенческие годы, в аспирантуре и позже о нем приходилось слышать отдельные суждения, воспоминания Л. В. Дюкова, С. Д. Джаксымбетова, С. Х. Жадбаева, С.С. Сартаева, М. Н. Сыздыкова, А. Н. Таукелева, Г. И. Тулеугалиева, А. А. Филимоновой и других преподавателей юрфака. Профессор Булатов был и остается одной из легенд юридического факультета КазНУ им. аль-Фараби.

В июле 1991 г., работая в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (тогда – Государственной библиотеки СССР им. В.И.Ленина) и просматривая материалы личного фонда выдающегося историка-юриста М. Н. Гернета, неожиданно для себя, я обнаружил письма к нему Булатова¹. От писем исходила какая-то глубокая человеческая теплота. И хотя занимался я иной темой мне удалось снять копии с наиболее интересных, как мне показалось, писем. Меня особенно привлекло то, что легендарный Булатов оказался явным сторонником отмены смертной казни². Кроме того, я был приятно удивлен упоминанием в одном из писем о доценте М. Н.Сыздыкове – уважаемом, скромном, требовательном, но справедливом преподавателе судебной статистики. Я знал, что он когда-то избирал тему диссертации по проблеме смертной казни и в силу политических изменений так и не смог ее защитить³.

Михаилу Николаевичу Гернету (1874-1953) – один из классиков российской науки уголовного права, криминологии и истории государства и права – был

¹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), ф. 603 (М. Н. Гернет), карт. 9, ед. хр. № 45. Письма (оригиналы) охватывают период 1944 -1949 гг., включают 19 листов и 8 конвертов. Отсутствующие или пропущенные элементы текста взяты в квадратные скобки. При подготовке текста писем к печати кое-где проставлены знаки препинания. Основные особенности оригинала оговариваются в примечаниях.

² В тот период я немного занимался вопросом о праве человека на жизнь. См., напр.: Ударцев С.Ф. Смертная казнь: за и против // Народное хозяйство Казахстана (Алма-Ата). 1989, № 7; Ударцев С.Ф. Право человека на жизнь во взглядах П. А. Кропоткина // Труды Комиссии по творческому наследию П. А. Кропоткина. Ч.1. М.: Ин-т экономики РАН, 1992. Скупые слова писем Булатова о смертной казни говорили о многом.

³ Годы через три-четыре в Алматы, встретив М. Н. Сыздыкова, я рассказал ему о находке и об упоминании о нем в письме Булатова Гернету. Казалось, он удивился, и как-то задумчиво посмотрел. Взгляд его был словно вне времени.

научным консультантом учителем С. Я. Булатов. Отец его, Н. А. Гернет, арестовывался и ссылался за участие в революционном движении 1860-х гг, а в ссылке сблизился с П. Л. Лавровым и Г. А. Лопатниковым. Сам М. Н. Гернет родился в Симбирской губернии, учился в Симбирской гимназии, затем на юридическом факультете Московского университета. После окончания университета с отличием и золотой медалью он был оставлен для подготовки к профессорскому званию на кафедре уголовного права. С 1902 до 1911 года приват-доцент Гернет работает на кафедре уголовного права Московского университета. Затем для завершения диссертации он едет в Европу, работает в библиотеках Германии, Франции, Италии, Швейцарии, Бельгии, слушает лекции социолога, психолога и криминолога Г. Тарда, знаменитого профессора судебной медицины Туринского университета Ч. Ломброзо и др. В 1906 году в Москве он защитил диссертацию «Социальные факторы преступности». Социологическое направление в его исследованиях сочеталось со стремлением опереться на набирающие в то время силу идеи социалистов. Общество, социальные факторы, социальные противоречия, конфликты, деформации были в фокусе внимания молодого исследователя, опубликовавшего в начале века серию работ о преступности и тюрьмах в различных европейских странах. По его убеждению, на первый план в будущем обществе должны выйти проблемы не наказания, а *предупреждения преступлений*. Интересно, что в диссертации он цитирует слова теоретика анархизма П. А. Кропоткина, много писавшего о развращающем воздействии тюрем на общество. Гернет соглашается с ним в том, что современная юстиция есть лишь форма организованного общественного возмездия, но не соглашается, что будущее общество обойдется без нее. Гернет полагал, что для изменения положения с преступностью следует изменить социальную среду, в которой живут и воспитываются люди. Опорой порядка в будущем обществе, писал он, будет служить «не виселица, не тюрьма, не надругательство над человеком, но всеобъемлющие, безграничные любовь и братство, свобода и равенство будущих граждан»⁴.

В этот период М. Н. Гернет совместно с О. Б. Гольдовским и И. Н. Сахаровым издает знаменитую книгу «Избранные произведения». М., 1974. С.200-201. О взглядах П. А. Кропоткина на причины преступности и о наказании см.: Ударцев С. Ф. Кропоткин (Из истории политической и правовой мысли). М., 1989. С.98 – 106.

менитый сборник «Против смертной казни» (М., 1906). Вскоре выходит второе, дополненное издание. В книге были собраны статьи, выступления и высказывания большой группы выдающихся российских и европейских ученых и писателей начала XX века: Н. А. Бердяева, Э. Бернштейна, Г. Брандеса, С. Н. Булгакова, М. Н. Гернета, Г. Еллинека, П. А. Кропоткина, Б. Прусса, В. Розанова, Вл. Соловьева, Л. Н. Толстого, А. Франса и других. Гернет подготовил статью и подборку материалов об отношении общественности к смертной казни, а также составил список приговоренных к смертной казни судами России с 1826 по 1906 год⁵. Эта книга имела большой резонанс в общественном сознании начала века. В 1909 году был издан новый сборник работ против смертной казни – «Мнения русских криминалистов о смертной казни». Наконец, в 1913 году Гернет публикует монографию «Смертная казнь», в которой анализируется практика применения этого вида наказания в десятках стран мира и раскрывается связь его с карательной политикой государств. Гернет рассматривал смертную казнь как «институт легального убийства», которого человечество стыдится, но от которого с трудом отказывается, как наказание, не способствующее ликвидации преступности. Он был убежден, что науке уголовного права следует присоединить свой голос к голосу противников смертной казни, которая «должна быть вычеркнута из лестницы наказаний»⁶. Именно эту борьбу гуманиста Гернета имел в виду Булатов в публикуемых ниже письмах.

М. Н. Гернет относился к «левым» в дореволюционной российской науке уголовного права и криминологии. Выступая в 1909 году на собрании криминалистов и криминологов с сообщением «О новых исследованиях в области уголовной социологии», он отмечал, что «преступность – естественное порождение современного строя»⁷.

После отставки из Московского университета в составе 130 преподавателей в знак протеста против несправедливого и незаконного увольнения ректора и проректора, Гернет работал в ряде народных университетов разных городов, в Петербургском психоневрологическом институте. В 1919 году вернулся в Московский университет на факультет общественных наук (юридические факультеты в

условиях военного коммунизма закрылись как готовящие специалистов (считалось тогда) для отмирающей и ненужной при коммунизме сферы деятельности). Тем не менее, он активно занимался изучением растущей в эти годы преступности и проблемами криминологии. Параллельно он с 1919 по 1930 год заведовал отделом «моральной статистики» в Центральном статистическом управлении.

Гернет – автор книг «Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества» (1916), «В тюрьме. Очерки тюремной психологии» (1925), «Преступления гитлеровцев против человечества» (1946), пятитомной «Истории царской тюрьмы» (1941 – 1956 гг.) и др., ряда библиографических указателей по уголовному праву и криминологии. Им опубликовано более 300 работ.

В начале 1930-х годов Гернет ослеп. И около четверти века героически работал слепым. Только благодаря его жене Александре Васильевне Гернет и некоторым ученикам он смог опубликовать свои труды последних лет жизни, в том числе первые пять томов «Истории царской тюрьмы». В 1936 году без защиты докторской диссертации ему по совокупности научных работ была присуждена степень доктора государственных и правовых наук, а в 1947 году за первые два тома «Истории царской тюрьмы» – Сталинская премия (позднее называвшаяся Государственной премией СССР)⁸.

Автор писем – Сергей Яковлевич Булатов (1898 – 1965), в 1917 году после окончания с золотой медалью гимназии поступил на юридический факультет Московского университета, однако в период гражданской войны вынужден был прервать обучение. После демобилизации из Красной Армии он вернулся в Московский университет и в 1925 году закончил его правовое отделение. В тот же год, кстати, в университете был создан факультет советского права. После окончания университета он учился в аспирантуре Института советского права при Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Волей судьбы Булатов оказался причастен к становлению теории права в 1920-х годах.

При Институте работала секция общей теории права и государства, которой руководил П. И. Стучка. В начале 1927 года ее сотрудниками становятся Н. В. Крыленко, Д. И. Курский, С. Я. Булатов, Д. Б. Левин, А. К. Стальгевич и др.⁹. Молодой ученый С. Я. Булатов активно включился в научную работу. В мае 1928 года в докладе на секции общей теории права и государства Института предпринял попытку обосновать существование юридической логики и доказать, что «существуют особые правила должного мышления юристов, которые не совпадают с правилами общей логики»¹⁰.

В ноябре 1928 г. были созданы подсекции – общей теории права, истории права и истории поли-

⁵ См.: Гернет М. Борьба русского народа против смертной казни / Против смертной казни. 2-е изд., доп. М., 1907. С. 283-301. Часть материала этих изданий легла в основу изданной в период перестройки весьма серьезной книги по проблеме смертной казни: Смертная казнь: за и против. Составители: О. Ф. Шишов, Т. С. Парфенова. Под ред. С. Г. Келиной. М., 1989. Богатый материал по истории смертной казни и отношении к ней в зарубежных странах содержится в кн.: Когда убивает государство... Смертная казнь против прав человека. Вступит. ст. Ф. М. Бурлацкого. Предисл. и ред. С. Г. Келиной. М., 1989. Кстати, Ф. М. Бурлацкий какое-то время учился в Алма-Атинском юридическом институте, затем окончил в 1947 г. Ташкентский юридический институт.

⁶ Гернет М. Н. Смертная казнь и общественное мнение // Смертная казнь: за и против. М., 1989. С. 133, 144, 150. Одно из первых научных исследований постепенного отказа от смертной казни в человеческом обществе было проведено в магистерской диссертации А. Ф. Кистяковского (1867). См.: Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни. Тула, 2000.

⁷ См.: Остроумов С. С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980. С. 198.

⁸ Подробнее о жизни и творчестве М. Н. Гернета см.: Захаров Д. П. Михаил Николаевич Гернет (1874 – 1953) // Правоведение. 1978, № 5. С. 97 – 108.

⁹ См.: Плотниекс А. А. Становление и развитие марксистско-ленинской общей теории права в СССР. 1917 – 1936 гг. Рига, 1978. С. 211.

¹⁰ См.: Там же. С. 153.

тических учений, политического строя современных государств, гражданского права и уголовного права, а также образованы бюро подсекций. Действительными членами подсекции общей теории числились В. В. Адоратский, С. Я. Булатов, М. Е. Климов (секретарь), Е. Б. Пашуканис (председатель), А. К. Стальгевич (заместитель председателя), В. Я. Старосельский; членами-соревнователями – Д. Б. Левин и М. Д. Резунов. В числе действительных членов подсекции истории права и политических учений были С. Я. Булатов, О. П. Дзенис (заместитель председателя), В. Н. Максимовский, И. П. Разумовский (председатель), Я. С. Розанов, В. Я. Старосельский и др., членов-соревнователей – Д. Б. Левин, Я. Ф. Миколенко, и М. Д. Резунов (секретарь)¹¹.

В конце 1930 года секции института были упразднены и вместо них созданы три сектора: права, социалистического строительства, национальной политики и национального вопроса. Заведующим сектором был назначен П. И. Стучка, а в числе нескольких старших научных сотрудников сектора был и С. Я. Булатов¹².

Интересные взгляды развивал Булатов в 1920-х годах по вопросу о соотношении государства и права. Представители различных вариаций социологической школы права 1920-х годов (Стучка и др.) были склонны рассматривать право как явление определенное, в конечном счете, не государством, а общественными отношениями, представляющими собой фактическое, реальное право. В. Я. Старосельский, возражая против упрека Пашуканису в пренебрежительном отношении к государству, полагал, что связь правовых явлений с государством подразумевается как факт, но что правовая форма вытекает «из отношений товарно-производящего общества» и «само государство этой форме подчиняется». Булатов поддерживал его, заявляя, что источником зарождения правовой формы следует считать экономические интересы, а не принудительную силу государства¹³. Булатов принадлежал к теоретикам права 1920-х годов, которых можно рассматривать как представителей социологической школы права.

Порой, с наивной уверенностью участвуя в дискуссиях конца 1920-х годов, Булатов увлекался и занимал по некоторым вопросам догматические позиции, которые, однако, разделялись и некоторыми видными юристами. Так, в статье, опубликованной в 1929 году,¹⁴ он фактически выступил против исследования личности преступника, личностных и внутренних предпосылок и причин преступления, абсолютизируя социально-классовые, внешние аспекты причин преступности. В каком-то смысле это было созвучно с общим идеологическим наступлением в СССР на генетику и некоторые другие серьезные научные

направления. В то же время, кое-что в позиции Булатова, как заметили С. Х. Жадбаев и О. Ф. Шишов, имело значение как попытка противостояния идеологии итальянского фашизма, которой было свойственно обращение к расизму и вульгарному антропологизму¹⁵. При этом он подверг критике позицию А. А. Герцензона, который, правда, вскоре признал свои «заблуждения» и в последующем твердо стоял на позициях, отрицающих его прежние взгляды. Наоборот, воззрения самого Булатова, по мере его углубления в проблемы криминологии, претерпели эволюцию. В последующем личностные факторы он считал важным составным компонентом причин преступности. На это обращал внимание И. С. Ной в известной своей книге «Методологические проблемы советской криминологии», рассматривая историю криминологии¹⁶.

В 1933 году в Москве издана монография С. Я. Булатова «Уголовная политика эпохи империализма». Предисловие к ней написал Н. В. Крыленко. В 1937 году Булатов опубликовал очерк «Лишение свободы в буржуазной уголовной политике», в котором показана эволюция системы лишения свободы в зарубежных странах и дана характеристика формировавшейся в то время системы фашистского «перевоспитания», выдвигавшей на первый план смертную казнь, внесудебные убийства и изоляцию без суда в концентрационных лагерях. В период начавшихся сталинских репрессий критика фашизма имела косвенное отношение к оценке произвола тоталитарного государства и в СССР.

В 1933 году ему было присвоено ученое звание профессора. В 1940 – издана его работа по истории военно-уголовного законодательства периода Великой Французской революции¹⁷.

В апреле 1941 года профессор Булатов был направлен на работу в Алма-Атинский юридический институт на должность заведующего кафедрой уголовного права. Несколько месяцев спустя, в том же 1941 году, в Алма-Ату был эвакуирован и Мос-

¹⁵ См.: Жадбаев С. Х., Шишов О. Ф. Сергей Яковлевич Булатов // Правоведение, № 2, 1982. С. 51.

¹⁶ И. С. Ной писал: «Любопытней всего то, что сам проф. С. Я. Булатов не разделял впоследствии мнения, связанного с отрицанием роли психических особенностей человека в преступном поведении, и уже не опровергал данные по этому вопросу, приводившиеся судебными психиатрами в конце 20-х годов. Об этом свидетельствует его рецензия на мою работу «Вопросы теории наказания в советском уголовном праве». Изд-во Саратов. ун-та, 1962. См.: С. Я. Булатов. И. С. Ной. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов, 1962. – В сб.: Вопросы государства и права. Сборник трудов юридического факультета Казахского гос. университета им. С. М. Кирова. Алма-Ата, 1963, с.400». См.: Ной И. С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов, 1975. С. 57.

¹⁷ Булатов С. Я. Военно-морское уголовное уложение Конституанты // Ученые записки Всесоюзного института юридических наук (ВИЮН). Вып. I. М., 1940. С.269 – 292. В период репрессий 1930-х гг., когда были репрессированы ряд его знакомых и друзей, как рассказывали Л. В. Дюков и С. Х. Жадбаев, он дважды приходил на Лубянку и предлагал арестовать и его. Однако работавшие там сотрудники, оказалось, слушали его лекции до 1937 г. и отправляли его назад.

¹¹ См.: Там же. С. 216.

¹² См.: Там же. С. 278.

¹³ Другие, как, например, И. А. Меницкий отстаивали положение о том, что правовой характер общественным отношениям придает государственное принуждение. См.: Плотниекс А. А. Указ. соч. С. 164-165.

¹⁴ См.: Булатов С. Я. Возрождение ломброзианства в советской криминологии // Революция права. 1929, № 1.

ковский юридический институт. В годы Великой Отечественной войны в Алма-Ате работали А. А. Пионтковский,¹⁸ С. А. Фукс, Ц. А. Ямпольская, С. В. Юшков и др. известные ученые-юристы. После войны Булатов остался в Алма-Ате.

С Алма-Атинским периодом творчества Булатова связаны его работы в области уголовного права, истории права, истории политической и правовой мысли Казахстана. Как теоретик и комментатор уголовного права он особенно активно работал в конце 1950-х – начале 1960-х годов, принимая самое активное участие в разработке Уголовного кодекса Казахской ССР, создаваемого на волне десталинизации и начала трансформации тоталитарного государства. В решении Казахстана, одним из первых среди республик СССР, сложных кодификационных работ нового этапа развития права он видел развитие и подъем суверенитета республики, рост научных и практических национальных кадров¹⁹. Булатов активно поддерживал гуманизацию уголовного законодательства союзных республик конца 1950-х годов. В 1960 году, отмечая ограничение применения по новому УК смертной казни, он затрагивал историю ее трехкратной отмены и восстановления в 1917, 1920, 1947 годах²⁰.

В 1960-х годах он опубликовал работы: «Ответственность за преступления против личности по Уголовному кодексу Казахской ССР» (Алма-Ата, 1961, в соавторстве с А. М. Мамутовым)²¹; «Понятие и система особенной части уголовного права Союза ССР и Казахской ССР» (Алма-Ата, 1962); «Ответственность за преступления против политических, трудовых и других прав граждан по Уголовному кодексу Казахской ССР» (Алма-Ата, 1962); «Особенности Уголовного кодекса Казахской ССР» (М., 1963); «Ответственность за преступления против социалистической собственности по Уголовному кодексу Казахской ССР» (Алма-Ата, 1964, в соавторстве с А. А. Филимоновой); «Ответственность за хозяйственные преступления по Уголовному кодексу Казахской ССР» (Алма-Ата, 1965) и др. Книги Булатова об ответственности за преступления в сфере экономики были, пожалуй, первыми в Казахстане работами, содержащими анализ УК нового поколения. При общей склонности авторов многих работ по уголовному праву этого периода к догматическому нормативизму, работы Булатова отличались стремлением максимально привлечь практический опыт и судебную практику, показать реальный смысл анализируемых норм исходя из практики их применения. Связь с социологической школой права обнаруживалась в общем его подходе к изложению затрагиваемых тем. Еще

один важный момент – его стремление отметить связь норм права с интересами не только государства и общества, но и отдельных граждан (прямую или косвенную). В то же время он активно использовал сравнительно-правовой метод, не замыкая анализ в пределах казахстанского законодательства, тем самым нагляднее показывая его особенности и общие черты с уголовным законодательством других республик.

Продолжил он и историко-правовые исследования. Уже после смерти С. Я. Булатова было издано переведенное им, а также с его предисловием и примечаниями Уголовно-судебное уложение Карла V (XVI в.)²² – по словам Булатова – «один из наиболее характерных памятников кровавого права позднего феодализма, рецепированного римского права, теории формальных доказательств»²³. Значение этого памятника права в истории определяется тем, что в течение трех веков «Каролина» формально была единственным общеимперским законом Германии. В XVI в. в период издания «Каролины» территория «Священной Римской империи германской нации» включала, кроме королевства Германии, также Венгрию, Австрию, Иерусалим и многие другие территории, перечисление которых в титуле Карла V занимало около страницы²⁴.

С. Я. Булатов – автор интересной работы о политических и правовых взглядах Ч. Ч. Валиханова, явившейся первым исследованием юристов об этом выдающемся казахском ученом и мыслителе²⁵. Его анализ и комментарии к работам Валиханова высоко оценивал такой авторитетный историк, как академик АН КазССР А. Х. Маргулан. Кстати, в статье о Валиханове Булатов обратил внимание на характерный для XIX в. прием критики царизма при критическом анализе китайского режима и провел параллель с аналогичным приемом, использованным в XVIII в. Монтескье в его «Персидских

²² Каролина (Уголовно-судебное уложение Карла V). Перевод, предисловие и примечания заслуженного деятеля науки Казахской ССР, профессора С. Я. Булатова. Алма-Ата, 1967. Об этой книге см.: «Правоведение». 1969, № 5. С.140-142. См. также: Библиография по всеобщей истории государства и права. 1918-1978. М., 1979. С.45 и 79. По воспоминаниям Л. В. Дюкова, С. Я. Булатов знал древний и современный немецкий язык, отлично – французский, латинский и греческий, частично – английский язык, а работу над «Каролиной» начал еще в 1930-х гг.

²³ Булатов С. Я. Предисловие // Каролина. Алма-Ата, 1967. С.3.

²⁴ См.: Там же. С.3, 21 и др.

²⁵ См.: Булатов С. Я. К вопросу о государственных и правовых воззрениях Чокана Валиханова // Вестник АН КазССР. 1956, № 3 (132). С.53-61. В дальнейшем этой проблеме посвящена серия работ юристов. См., напр.: Дюков Л. В. Ч. Валиханов как последователь Н. Г. Чернышевского // Ученые записки КазГУ. Т. XLIX. Серия юридическая. Вып.6. Алма-Ата, 1960; Зиманов С. З., Атишев А. А. Политические взгляды Ч. Валиханова. Алма-Ата, 1965. Краткую библиографию работ о политических и правовых взглядах Ч. Валиханова см.: Чокан Валиханов. Записка о судебной реформе. Вступит. ст. и примеч. С. Ф. Ударцева. Алматы, 1999. С.74-75. Кстати, дочь С. Я. Булатова, продолжая традицию отца, издала в Москве книгу о Чокане Валиханове в серии «Жизнь замечательных людей»: Стрелкова И. Валиханов. М., 1983.

²⁶ См.: Булатов С. Я. К вопросу о государственных и правовых воззрениях Чокана Валиханова // Вестник АН КазССР, № 3 (132), 1956. С. 56. Об использовании подобного приема также в работах В. Г. Белинского и М. А. Бакунина и др. см.: Сартаев С. С., Ударцев С. Ф. Ч. Ч. Валиханов – ученый-востоковед, мыслитель, демократ (К 150-летию со дня рождения) // Советское государство и право, 1986, № 7, С. 128.

¹⁸ А. А. Пионтковский в период войны заведовал кафедрой, которой ранее и позже заведовал С. Я. Булатов.

¹⁹ См.: Булатов С. Я. Основные черты Уголовного кодекса Казахской ССР // Ученые записки КазГУ. Т. XLIX. Серия юридическая. Вып. 6. Алма-Ата, 1960. С.156.

²⁰ См.: Там же. С. 135.

²¹ На экземпляре этой книги, хранящейся в Национальной библиотеке РК, имеется штамп утравивший силу «Для служебного пользования» (шифр книги: 343.6. Б 907). Кстати, в этой работе содержится краткая интересная информация об эвтаназии и ее фактическом временном разрешении в СССР в 1922 г. (см.: Булатов С. Я., Мамутов А. М. Ответственность за преступления против личности по уголовному кодексу Казахской ССР. Алма-Ата, 1961. С. 12 – 13). В названии книги слова «уголовный кодекс» – с маленькой буквы.

письмах», где под видом критики режима персидского шаха критиковались порядки во Франции²⁶.

Булатов был скрытым противником тоталитарного режима, при котором он вынужден был жить. Ему были чужды апологетика беззакония, он был склонен к либерализации и гуманизации уголовного наказания и политического режима, разумеется, в пределах реально возможного²⁷. Искренне и с глубоким пониманием проблемы он писал, что огромное значение для укрепления законности «и охраны прав и свобод советских граждан имеет проведенная XX и XXII съездом КПСС борьба по ликвидации всех последствий и злоупотреблений, связанных с культом личности»²⁸. Эти слова для него были не конъюнктурной атрибутикой, а отражением органично присущих ему умонастроений. Не случайно одной из основных его работ этого периода была книга о защите уголовным законодательством политических, трудовых и иных прав граждан (равноправия женщин, неприкосновенности жилища, тайны переписки, избирательного права, авторских и изобретательских прав, свободы совести и др.).

Со студентами у Булатова были дружеские отношения. Они его уважали, любили и доверяли ему, а порой обращались и с просьбой занять деньги до стипендии. Он в таких случаях помогал студентам²⁹.

По отзывам его коллег и студентов, профессор Булатов был прекрасным лектором. «Его лекции отличались широтой эрудиции, фундаментальностью, свежестью мысли, творческим подходом к освещаемому вопросу. Простота и доходчивость изложения сочетались с научностью и глубиной анализа»³⁰.

В 1960 году С. Я. Булатову было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки Казахской ССР.

Публикуемые ниже письма – нити, связывавшие С. Я. Булатова, а через него и ученых Алма-Аты с учеными Москвы, фрагмент истории юридической науки России и Казахстана, а также свидетельство теплых человеческих отношений двух выдающихся ученых и педагогов XX в., принадлежавших к разным поколениям. В письмах проявляется любовь Булатова к природе Казахстана, к Алма-Ате. Письма содержат штрихи к политико-правовым взглядам крупных ученых-юристов, сторонников социологической школы права, гуманизации уголовного наказания, противников тоталитаризма и смертной казни. В настоящее время лишь начинается обстоятельное и многоаспектное изучение истории юридической науки середины и второй

²⁷ См., напр.: Булатов С. Я. Гуманизм советского закона // Советская юстиция. 1959, №11. С.5-10. Л. В. Дюков рассказал следующую историю. Примерно в 1946 г. Дюков был секретарем партийной организации юридического института (директором был Т. М. Култелеев). Юридический институт тогда находился в районе современного аэровокзала. Студенты готовили стенгазету. Из журнала «Огонек» они вырезали портрет И. В. Сталина и хотели наклеить в стенгазету. Булатов увидел это и разорвал портрет при них. Студенты – к Дюкову. После разговора договорились – «если вы мне верите – никому ни слова». Дюков бросил обрывки портрета в печку. Затем к нему пришла жена С.Я.Булатова Екатерина Карловна: «Мы пропали...». Как вспоминал Дюков, он ответил: «Ничего не было. Какой портрет? Не было никакого портрета». Позже он не говорил об этом случае и Булатову и рассказал о нем лишь после его смерти в 1965 г. Записи бесед с Л. В. Дюковым. Личный архив.

²⁸ Булатов С. Я. Понятие и система особенной части уголовного права Союза ССР и Казахской ССР. Алма-Ата, 1962. С.6.

²⁹ Запись беседы с Л. В. Дюковым. 2 октября 1991 г. Личный архив.

³⁰ Жадбаев С. Х., Шишов О. Ф. Указ. соч. С.54.

половины XX века, творчества ее видных представителей. Настоящая публикация, надеемся, будет содействовать привлечению внимания к этой странице истории.

1. Письма С. Я. Булатова М. Н. Гернету*

С. Я. Булатов – М. Н. Гернету

23 июля 1947 г.³¹

«Глубокоуважаемый и дорогой Михаил Николаевич!

Сейчас только что получил Вашу открытку от 12/VII 47. Благодарю за память. Рад был узнать, как широко откликнулись наши передовые институты и печать на радостный и почетный для всех юристов факт присуждения сталинской премии за Ваши труды³².

Ваше имя и труды мы вспоминаем в последнее время на наших собраниях не раз и по другим поводам.

При обсуждении указа 27/V 47 г.³³ об отмене смертной казни приятно и радостно было напомнить ту борьбу, которую Вы вели в течение полувека против смертной казни в любых условиях³⁴.

Мне вспомнились Ваши слова, сказанные Вами, когда Вы выступали «против течения» – один против всех: «Может быть вспомнят, когда-нибудь, что был такой чудак, который всегда был против смертной казни».

Вспомнить пришлось даже раньше, чем можно было думать. По поводу обсуждения нового проекта У.К. огульно репрессивный уклон коего вызывает печальные недоумения, пришлось также вспомнить Вашу критику тюремного и крепостного заключения.

Будем надеяться, что и в этих вопросах победят те, взгляды прогрессивного человечества, которые 50 лет Вы защищаете так ярко и убедительно и советским ученым придется не краснеть

*В письмах сохранена орфография автора

³¹ Место хранения письма: Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), ф. 603 (М. Н. Гернет), карт. 9, ед. хр. № 45. Л.9-10 об. Рукопись на двойном тетрадном листе. Публикуется впервые.

³² Имеются в виду первые два тома «Истории царской тюрьмы».

³³ Имеется в виду Указ Президиума Верховного Совета Союза СССР об отмене смертной казни от 26 мая 1947 г. Дата 27 мая 1947 г., названная в письме, возможно, связана с публикацией Указа.

³⁴ «Казалось бы, – пишет О.Ф.Шишов, – что Сталин решил, наконец, отказаться от бессмысленных кровопролитий. Но в то время, когда в прессе прославлялась мудрость вождя и гуманизм уголовной политики, Берия издает секретную директиву, парализующую, по сути дела, действие Указа об отмене смертной казни. Согласно этой директиве смертная казнь могла применяться специальными судами МГБ по делам о контрреволюционных преступлениях. Таким образом, исполнительная власть свела на нет предписание власти законодательной.

Спустя три года, 12 января 1950 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О применении смертной казни к изменникам Родины, шпионам, подрывникам-диверсантам», а 30 апреля 1954 г. смертная казнь была введена и за умышленное убийство». См.: Шишов О. В. Смертная казнь в истории советского государства // Смертная казнь: за и против. М., 1989. С.123-124. В 1949 г. СССР на сессии Генеральной Ассамблеи ООН вносил предложение об отмене смертной казни во всех странах мира (возможно, в значительной мере в рекламных политических целях), что тогда не было поддержано.

за новый закон, а гордиться воплощением в нем всего прогрессивного, гуманного и мудрого, что было выдвинуто передовыми умами с Томаса Мора³⁵.

Очень бы хотелось увидеть переиздание Ваших работ по этим вопросам, неизвестных молодежи.

С точки зрения идейно-политического воспитания это было бы полезнее слабых, иногда граничащих с пародией, попыток копировать «Vergleichende Darstellung»³⁶.

Мои дела учебные в основном закончились, формально я уже в отпуску,³⁷ но пока лишен возможности выехать.

Зато лето у нас чудесное, все время неслыханные для здешних мест дожди, пыли нет. Снег в горах сиет низко. Ночи прохладные и фруктов масса.

Шлю Вам и Александре Васильевне³⁸ горячий привет.

Желаю здоровья, сил и дальнейших успехов в Ваших трудах, и дальнейших побед тем взглядам, которые Вы защищаете.

Искренне преданный Вам

Сергей Булатов».

2. С. Я. Булатов – М. Н. Гернету

24 ноября 1947 г.³⁹

«Глубокоуважаемый и дорогой Михаил Николаевич! Вашу телеграмму и письмо от 12/XI 47 получил. Большое спасибо за память и внимание. Я был рад узнать, что Алма-Атинские яблоки дошли до Вас и доставили Вам удовольствие. Но главное радует меня, что Вы в добром здравии и труды Ваши успешно продвигаются.

В специальном семинарии IV курса в I семестре с успехом прошли 3 доклада по I тому Вашего труда. Во II семестре намечены доклады по II тому⁴⁰. К се-

³⁵ В книге «Утопия» Томас Мор (1478 - 1535) одним из первых обратил внимание на закономерность: ужесточение наказания может способствовать большей жестокости преступлений. «Вот почему я полагаю, что казнь недопустима, – писал Т.Мор. – Насколько же нелепо и пагубно для государства равно наказывать и вора, и убийцу, думаю, знает всякий. И впрямь, когда разбойник видит, что, осужденный за кражу, рискует он не меньше, чем если, кроме этого, уличат его еще в убийстве, то одна только эта мысль побудит его зарезать того, кого в ином случае он всего лишь намерен был ограничить. Действительно, оттого что, пойманный, не окажется он в большей опасности, чем если он зарежет, ему будет даже спокойнее, больше будет у него надежды скрыться, когда не станет на свете доказчика его преступления. Итак, когда мы стремимся как можно более устрашить воров, мы подбиваем их губить добрых людей» (Мор Т. Утопия. М., 1978. С.139). О правовых взглядах Т.Мора см. также: Бонташ П. К., Н. С. Прозорова. Томас Мор (Из истории политической и правовой мысли). М., 1983.

Первым развернутым теоретическим выступлением против смертной казни в литературе обычно признается книга Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях» (1764). См.: Решетников Ф. М. Беккариа (Из истории политической и правовой мысли). М., 1987. С.65 и др.

³⁶ «Сравнительное изложение» (немецкий язык). То есть С. Я. Булатов косвенно критикует неуклюжие попытки апологетического советского сравнительного правоведения и выражает удовлетворение в связи с тем, что теперь (после указа об отмене смертной казни) будет, что сравнивать с зарубежным уголовным законодательством, чем гордиться.

³⁷ Так в оригинале.

³⁸ Жена М. Н. Гернета.

³⁹ Место хранения письма: ОР РГБ, ф. 603 (М. Н. Гернет), карт. 9, ед. хр. № 45. Л.11-12 об. Рукопись на двух тетрадных листах в клетку. Публикуется впервые.

⁴⁰ Имеется в виду «История царской тюрьмы».

рии этих докладов я делал вступительное слово с общей характеристикой Ваших трудов и их значения.

Вступивший⁴¹ в этом году по нашей кафедре талантливый аспирант казах, т. Сыздыков⁴² темой вступительной работы избрал «Указ 27/V. 1947 г. и вопрос о смертной казни». В этой работе он показал внимательное изучение Ваших трудов против смертной казни.

Таким образом, как могу засвидетельствовать, и прежние и новейшие Ваши труды не только имеются в нашей библиотеке, но внимательно изучаются молодежью и оставляют у нее глубокое впечатление.

Мне приятно сообщить Вам Михаил Николаевич, что таким образом у Вас появляются новые ученики, которых В[ы]⁴³ лично еще не знаете, но которые не просто читают, а внимательно и тщательно изучают Ваши книги.

Очень бы хотелось мне со временем познакомиться лучших из этой молодежи и лично с Вами⁴⁴. Жаль, что так трудно сообщение с нашими краями. Очень хотелось бы организовать хоть несколько лекций или докладов Ваших и в нашем скромном институте.

Но это пока что мечты. А теперь несколько слов и о моей жизни. Общий процесс постепенного восстановления получил некоторое пока еще очень скромное отражение и в наших палестинах. Починили крышу, и теперь уже не приходится бегать с ведром и отливать воду

⁴¹ То есть поступивший в аспирантуру.

⁴² Сыздыков Максуд Насырович долгие годы работал на кафедре уголовного права юридического факультета КазГУ, в последние годы – в Казахском государственном юридическом университете (КазГЮУ). Он отличался самостоятельностью суждений, скромностью и высокой порядочностью. В конце 1940-х гг. вместе с друзьями (А. Н. Таукелевым и еще одним молодым человеком) заподозрил, что один из их знакомых следит за ними, и, как они считали, работает «стукачом» в НКВД. Они решили его проучить. Пригласили на берег реки и заявили, что создали подпольную организацию, которая ставит своей целью достижение независимости Казахстана, что в их организации члены разбиты на пятерки и в одной такой пятерке появилась вакансия. Они, мол, посоветовались и решили предложить это место ему. Приглашенный был очень напуган, выслушав предложение, убежал и больше не следил за ними. Этот случай рассказал А. Н. Таукелев. Как-то встретив в КазГЮУ Максута Насыровича, после того, как он в середине 1990-х гг. перешел туда работать, я напомнил ему эту историю и спросил, – так ли это было на самом деле? Он подтвердил, что именно так оно и было. Товарищ М. Н. Сыздыкова – А. Н. Таукелев, совершил еще один поступок отчаянного протеста примерно в те же годы. Тогда, в годы сталинской диктатуры, выборы проходили официально почти при «единогласной» поддержке выдвинутых безальтернативных кандидатов. В таких условиях он нарисовал политическую карикатуру на Сталина и опустил ее в урну для голосования. Через некоторое время автор был вычислен. После этого за ним было установлено наблюдение, которое, порой, из негласного превращалось в открытое и назойливое. См. также: Ударцев С. Ф. Педагог, мыслитель (К 70-летию со дня рождения А. Н. Таукелева) // Право и государство (Алматы, КазГЮУ), № 1 (9), 1998. С.19-21.

⁴³ Здесь и далее в квадратные скобки взяты фрагменты текста, отсутствующие в оригинале.

⁴⁴ Учениками Булатова на кафедре уголовного права КазГУ были доцент С. Х. Жадбаев и профессор Г. Ф. Поленов. К его ученикам относятся также профессора З. О. Ашитов, Е. И. Каиржанов и др. Булатов оказал влияние и на формирование многих других ученых, по существу заложил основы научной школы уголовного права. См.: Жадбаев С. Булатов Сергей Яковлевич (1898 – 1965) // Юридическому образованию Республики Казахстан – 60 лет. 1938-1998 / КазГНУ им. аль-Фараби. Институт экономики и права. Алматы, 1998. С.82-86.

⁴⁵ Слово «это» в оригинале написано дважды – в конце одной страницы и в начале другой.

после каждого дождя. Как ни скромно это⁴⁵ достижение, а оно очень улучшило и возможности занятий и наши бытовые условия. Беда только, что третий месяц сидим впотьмах. Вечерами из-за этого, т[ак] к[ак] живем в почти полной изоляции⁴⁶, очень тоскливо, да и работать не успеваем.

В этот семестр у меня было много педагогической работы, т[ак] к[ак] 2 коллег по кафедре получили на весь семестр отпуска для диссертаций. Из-за этого не мог приехать в Москву на сессию института права.

Возможно, что получу командировку на время зимних каникул. Очень хочется повидаться с Вами, поработать в университетской библиотеке, побывать на докладах, не говоря уже о театрах и прочих московских радостях.

Шлю Вам и Александре Васильевне искренний привет и лучшие пожелания.

24/XI 47 г. Глубокоуважающий Вас

Сергей Булатов».

3. С. Я. Булатов – М. Н. Гернету

11 января 1948 г.⁴⁷

« 11/1. 48 г. Глубокоуважаемый и дорогой Михаил Николаевич!

Ваше письмо получил. Большое спасибо за внимание и память. Поздравляю Вас с предстоящим пятидесятилетним юбилеем Вашей научной деятельности и со вторым изданием первых 2-х томов «Истории

⁴⁶ Как вспоминали очевидцы, некоторые из коллег не любили С. Я. Булатова, возможно, завидовали ему или опасались его по политическим соображениям. В 1949 г. для оценки работы кафедры уголовного права была организована комиссия, председателем которой был назначен Л. В. Дюков. Он рассказывал, что перед заседанием ученого совета института, где должен был рассматриваться вопрос о работе кафедры Булатова, заместителем директора М. Б. Зусманом ему был передан проект решения ученого совета, в котором предлагалось просить министерство об освобождении Булатова от должности заведующего кафедрой. Однако, по словам Дюкова, он разочаровал противников Булатова и дал положительную характеристику работе кафедры в учебном процессе. Проект решения не был принят. Позднее Булатов все же на несколько лет был освобожден от должности заведующего кафедрой Алма-Атинского юридического института. В середине 1950-х гг. ректор КазГУ Т. Б. Дарканбаев вновь назначил Булатова заведующим кафедрой уголовного права и он еще почти 10 лет руководил этой кафедрой. (Запись беседы с Л. В. Дюковым 2 октября 1991 г. Личный архив). О попытке расправиться с профессором С. Я. Булатовым в 1949 г. упоминал Л. В. Дюков и в воспоминаниях. См.: Дюков Л. В. Институт, из которого мы вышли // Юридическому образованию Республики Казахстан – 60 лет. 1938-1998. Алматы, 1998. С.31. На недоброжелательное и необъективное отношение некоторых коллег к С. Я. Булатову давно обращено внимание в литературе. В очерках по истории историко-правовой науки обращалось внимание на необъективность критики по отношению к его работе «Военно-уголовное законодательство Конституанты («Известия АН СССР», 1949, № 2)». В частности, имелась в виду статья Г. И. Федькина «Об одной докторской диссертации» («Советское государство и право», 1950, № 3). См.: Советская историко-правовая наука. Очерки становления и развития. М., 1978. С.303

С. Я. Булатов защитил докторскую диссертацию, но благодаря стараниям «доброжелателей» ее не утвердили в ВАКе СССР. Во время защиты А. А. Филимоновой кандидатской диссертации в Москве в 1950 г. ее научный руководитель А. Н. Трайнин опасался, что и ей могут помешать защитить диссертацию, зная доброе отношение к ней Булатова. А он относился к Шуре, как звал Булатов Александру Афанасьевну, по ее словам, как к дочери.

⁴⁷ Место хранения письма: ОР РГБ, ф. 603 (М.Н.Гернет), карт. 9, ед. хр. № 45. Л.13-14 об. Рукопись на двух тетрадных листах, вырванных из тетради в клетку. Публикуется впервые.

царской тюрьмы». Уже это показывает, что, несмотря на специальный характер и громадный объем исследования, книги Ваши пробили себе путь к широкой и живой читательской аудитории.

В частности не хватает в нашем институте имеющихся в библиотеке экземпляров и мои личные тоже все время на руках у студентов.

Вы спрашиваете о моих замечаниях ко второму изданию. Думаю, что тему Вашего исследования никто в мире не знал, и не будет знать полнее и точнее Вас. Поэтому мне говорить о каких-нибудь дополнениях по существу просто невозможно.

Опубликованные рецензии показывают, однако, что не все читатели полностью поняли внутреннюю связь Вашего исследования с основными общими вопросами теории государства и государственного управления эксплуататорского меньшинства. В ужасных и стоящих, пожалуй, дорожке всякого санатория тюрьмах, вроде Петропавловки или Бастилии⁴⁸, сидело непосредственно гораздо меньше заключенных, чем было охранявшей их стражи находившейся, как Вы показали, тоже в условиях режима строгой изоляции. Очевидно, столь дорогие учреждения представляли, как показывает сам язык, всегда более полно и более сложно выражающий мышление, чем это на первый взгляд кажется, только замо́к, или наоборот ключ, к очень длинной цепи (явлений) к очень тяжелой государственной двери (отсюда тюремный замо́к)⁴⁹.

Поэтому, начиная с работ Энгельса⁵⁰, этому с количественной стороны ничтожному учреждению придавалось значение одного из трех атрибутов⁵¹ угнетательской силы государства. Поэтому важнейшие документы с 1919 г. выдвинули, нерешенную еще задачу, которой служило и большинство Ваших 50-ти летних трудов о замене этой отвратительной⁵², рассчитанной на душевное озвечение системы, качественно иными учреждениями. Можно ли, и в какой мере, более ясной сделать эту часть государственного механизма.

Хотелось бы еще при личной встрече побеседовать с Вами о некоторых темных местах: об условиях содержания и гибели некоторых узников. Мне кажется, что официальные⁵³ документы по этим вопросам написаны, как выражался Лютер⁵⁴ о рождав-

⁴⁸ Петропавловская крепость заложена Петром I в 1703 г. Со второй четверти XVIII в. использовалась как место заключения политических преступников. Особым режимом отличался Алексеевский равелин (равелин смертников), особенно построенный в нем «секретный дом». *Бастилия* – крепость, построенная в Париже в 1370–1382 гг. В последующем – государственная тюрьма. Разрушена в период Великой Французской революции как символ произвола абсолютизма. Интересный сравнительный очерк российских и французских тюрем, действующих в них рядков и условий содержания имеется в книге П. А. Кропоткина «В русских и французских тюрьмах».

⁴⁹ Здесь и выше ударение поставлено в оригинале.

⁵⁰ Имеются в виду признаки государства, выделяемые одним из основоположников марксизма Фридрихом Энгельсом (1820-1895). К одному из таких признаков им относились «вещественные придатки, тюрьмы и принудительные учреждения всякого рода». В дальнейшем это было повторено В. И. Лениным в «Государстве и революции» (см.: Полн. собр. соч. Т.33. С.8-9) и было положено в основу трактовки признаков государства в советской теории государства.

⁵¹ В рукописи два «т».

⁵² Подчеркнуто в оригинале.

⁵³ В оригинале в слове два «ф».

⁵⁴ В оригинале – «Люттер». *Мартин Лютер* (Luther) (1483 – 1546) – основатель протестантизма, один из видных деятелей Реформации в Германии XVI в.

шемся немецком языке, «условным языком императорской канцелярии»⁵⁵.

Не теряю надежды лично приветствовать Вас в день 50-летия Ваших трудов. Шлю сердечный привет Вам и Александре Васильевне.

Глубокоуважающий Вас

С. Булатов».

4. С. Я. Булатов – М. Н. Гернету

13 июля 1948 г.⁵⁶

«Глубокоуважаемый и дорогой Михаил Николаевич!

Большое, большое спасибо Вам, что Вы так быстро откликнулись на мою просьбу.

Мне вручили Ваше письмо и портрет⁵⁷ как раз в тот момент, когда я прощался с отъезжавшими: председателем государственной экзаменационной комиссии и некоторыми выпускниками, и я мог с гордостью показать им портрет своего учителя и сказать им несколько слов о Вашей героической работе и той роли, которую Вы сыграли для мое[й] жизни и научной работы.

Портрет я отдал увеличить одному нашему сотруднику хорошему мастеру, ранее также работавшему в НТО⁵⁸.

Вы уже знаете, что моя поездка отсрочена. Очень жаль, что нескоро еще придется мне повидать Вас. Но ничего не поделаешь. Лето здесь во всяком случае не хуже, чем на самых известных курортах Союза, а работать, конечно, удобнее, т[ак] ч[то] я не тужу, что приходится безвыездно находиться в прекрасном Верном!

Мне кажется, во всем союзе⁵⁹ нет такого большого университетского города с десятком высших учебных заведений, прекрасными библиотеками и театрами, расположенными в сплошном цветущем саду в кольце снеговых гор.

Очень бы мне хотелось, чтобы и Вы побывали у нас.

Шлю Вам и Александре Васильевне мои лучшие пожелания.

13/VII 1948 г.

С. Булатов».

⁵⁵ Вспоминая эту же оценку М. Лютера в Предисловии к «Каролине» С. Я. Булатов писал: «Научный и законодательный язык этого времени Лютер характеризовал как условный язык императорской канцелярии. Этот язык был чужд общенародному языку. Руническая письменность, из которой развился готический шрифт, первоначально выполняла функции шифра. Научные книги писались на латыни. Богослужение осуществлялось на «мертвых языках»: древнееврейском, древнегреческом, латинском, древнеславянском. Все это делало религию, науку, право непостижимыми для «простолюдинов», непосвященных «лае», маскировало ссылками на непонятные народу источники, приводило к произвольным толкованиям, устраняло возможность критики со стороны народа». Булатов С. Я. Предисловие // Каролина. Алма-Ата, 1967. С.6 – 7).

⁵⁶ Место хранения письма: ОР РГБ, ф. 603 (М. Н. Гернет), карт. 9, ед. хр. № 45. Л. 15-16 об. Рукопись на свернутом пополам листе писчей бумаги. Публикуется впервые.

⁵⁷ Речь идет о портрете М. Н. Гернета.

⁵⁸ НТО – научно-технический отдел.

⁵⁹ В оригинале с маленькой буквы.